

Признаки грядущего

Действие анестетика вскоре закончилось. Ши Цзю медленно поднялся, разминая затекшее тело.

Он огляделся, изучая обстановку небольшой комнаты: рабочий стол, диван, противоударный щит и несколько запертых шкафов. На каждом предмете красовался герб, напоминающий полицейский жетон. Это был кабинет не Чэнь Ая, а Цзи Шуйфэн. Юноша вспомнил слова куратора: Шуйфэн возглавляет Центр управления безопасностью и считается одной из сильнейших как в плане особых способностей, так и в простой физической подготовке. Но... Ши Цзю украдкой взглянул на женщину.

У Цзи Шуйфэн были длинные, прямые иссиня-черные волосы и глубокие темные глаза. Даже на высоких каблуках она едва доставала ему до макушки. Когда она смотрела на него, в её взгляде неизменно светилась улыбка — мягкая, лишенная даже намека на агрессию. От неё исходила аура чистого, обволакивающего спокойствия. Ши Цзю невольно сравнил её с монахиней из старых фильмов, что неустанно заботится о детях в приюте.

В реальности он встречал таких людей лишь однажды: когда давал уроки виолончели в детском доме. Там была воспитательница, которая любила каждого подопечного как родного ребенка.

Один её взгляд дарил ощущение, что тебя поняли, простили и приняли под защиту.

Трудно было соотнести этот образ со словами Чэнь Ая о «сильнейшем бойце».

В кабинете воцарилась тишина, но её тут же прервал настойчивый стук в дверь.

Цзи Шуйфэн пошла открывать. На пороге стоял запыхавшийся сотрудник.

— Госпожа Цзи, беда! Только что у входа на площадь... один из граждан... он покончил с собой!

— Снова самоубийство?! — голос Шуйфэн дрогнул от изумления.

— Да! Наши люди уже на месте. Вы поедете?

— Немедленно! — она сорвалась с места, подхватила жакет и направилась к выходу. Уже в дверях она обернулась к Чэнь Аю: — Располагайтесь как дома, мне пора.

И она стремительно исчезла в коридоре.

— Что происходит? — спросил Ши Цзю.

Чэнь Ай поднялся, нахмутив брови.

— Не знаю. Нужно взглянуть.

Он направился к выходу, но через пару шагов замер и обернулся:

— Ты идешь со мной.

— Я могу отказаться?

— Нет.

— Ясно.

Снаружи царил суета. Воздух, казалось, был пропитан тревожным ожиданием, люди в форме торопливо сновали в разные стороны.

Ши Цзю едва поспевал за широким шагом Чэнь Ая.

— Почему из-за одного происшествия подняли такой шум? — спросил он, чувствуя, что обстановка накалена до предела.

Чэнь Ай коротко кивнул и, поколебавшись, решил пояснить:

— В нашей цивилизации самоубийство — вещь почти немыслимая. Подобное случается крайне редко, раз в десятилетия.

Похоже, он наконец смирился с тем, что Ши Цзю — гость из другого мира, и перешел к обычным объяснениям.

Юноша облегченно вздохнул. По крайней мере, теперь можно было не тратить силы на споры о природе реальности и сосредоточиться на изучении этого мира.

— В моем мире самоубийство — обычное дело, — с горькой усмешкой произнес Ши Цзю. — Огромные территории, сотни стран... Каждый день кто-то сходит с ума, впадает в депрессию, убивает себя или других.

Чэнь Ай искоса взглянул на него. В этом взгляде читался немой вопрос: «Как вы вообще выжили в таком аду?»

Ши Цзю пожал плечами:

— Всё зависит от места. Пропасть между бедными и богатыми чудовищна, это два разных измерения. В трущобах люди порой даже не имеют права на выбор — они умирают от голода раньше, чем у них хватит сил наложить на себя руки. — Он глубоко вдохнул чистый, напоенный ароматом трав воздух. — Мне повезло. Я родился в безопасной и процветающей стране. По крайней мере, там, где я жил, мне не нужно было бояться похищений, голода или того, что меня убьет случайной пулей. У нас говорят: «За вином и мясом — запах гнили, а на дорогах — замерзшие кости», но меня это почти не касалось. Я мог спокойно заниматься творчеством и помогать тем, кому повезло меньше.

В этот момент его лицо расслабилось, в нем появилось некое умиротворение — Ши Цзю явно дорожил миром, о котором рассказывал.

— Ты очень любишь свой дом, — заметил Чэнь Ай.

— Разумеется.

Когда они добрались до площади, основная часть толпы уже разошлась. Ши Цзю увидел, как Цзи Шуйфэн в сопровождении двух офицеров садится в машину — кто-то в толпе шепнул, что они едут домой к погибшему.

На площади несколько человек отмывали плитку от крови. Увидев Чэнь Ая, они почтительно склонили головы.

Очевидцы рассказывали, что мужчина внезапно сорвался на бег. В руке у него был нож, которым он наносил себе удары прямо на ходу. Он рухнул у самого входа на площадь, оставив за собой длинный кровавый след.

Ши Цзю посмотрел на эту жуткую алую нить, тянущуюся через мостовую.

— Может, у него было психическое расстройство? — нахмурившись, спросил он.

Чэнь Ай наблюдал за работой уборщиков. Он хотел что-то сказать, но в последний момент промолчал, лишь тихо бросил:

— Возможно.

Для Эндено случившееся было подобно грому среди ясного неба. Даже сотрудники Центра

цивилизации выглядели растерянными, вполголоса обсуждая трагедию:

— Совсем недавно уже был случай. Госпожа Цзи нашла того беднягу на крыше жилого дома посреди ночи.

— Я слышал об этом. Но разве он не покончил с собой после того, как напал на кого-то и сбежал?

— Да, верно. Следствие потом установило, что они не были знакомы. Тот парень просто сошел с ума и пырнул первого встречного.

— Что вообще происходит? У них были психические отклонения в анамнезе?

— Данные не разглашаются.

— А сегодня еще и ребенок в центре города... Вам не кажется, что это...

— Тсс! Не смей этого произносить! Накличешь беду!

Чэнь Ай постоял еще немного и направился прочь. Ши Цзю последовал за ним.

Юноша вспомнил обрывок разговора, который слышал, когда Чэнь Ай нес его в Центр управления безопасностью после обморока.

Он догадался, что испуганный прохожий хотел сказать: «Болезнь мнимой подозрительности». Ши Цзю отчетливо помнил и это название, и того подростка в камере, который в безумии кричал: «Никому не верь!»

Они шли в сторону лаборатории «Исток». По дороге Ши Цзю спросил:

— Почему самоубийство для вас — такая редкость? Низкая преступность? Или дело в прозрачности мышления?

Чэнь Ай неопределенно хмыкнул. Казалось, он не настроен на долгие речи. Лишь когда шум толпы остался далеко позади, он заговорил:

— Это основа, но не единственная причина.

Он помолчал, подбирая слова.

— Между гражданами существует абсолютное доверие. Так было не всегда. Когда наша цивилизация осознала, что время на исходе и мы все — одна семья, стоящая на краю бездны, произошел перелом. Экономика стабилизировалась, высокий уровень жизни позволил дать всем достойное образование и медицину. Когда материальные нужды были удовлетворены, остались лишь духовные.

— Наши предки совершили невозможное. Они стерли пропасть между людьми. Теперь каждый волен заниматься тем, что ему по душе, не опасаясь чужого коварства. Мы живем для себя и радуемся за других. В мире, где сама жизнь признана высшим счастьем, нет места войнам и преступлениям. Здесь все знают друг друга до самого дна души.

Ши Цзю впервые слышал от Чэнь Ая такую длинную речь. Это было странно: после долгой вражды обычный спокойный разговор казался чем-то из ряда вон выходящим.

— Понятно... — Ши Цзю кивнул, хотя до конца не мог представить себе такую жизнь.

Юноша невольно усмехнулся. В детстве родители заставляли его проходить тренировки по развитию осознанности. Позже, заметив его необычайную чувствительность и склонность к искусству, они начали развивать в нем гибкость мышления.

И всё же Ши Цзю понимал, что есть вещи, которые он никогда не сможет принять. Он не понимал пустой роскоши, не понимал, как можно всю жизнь карабкаться по карьерной лестнице ради стабильной зарплаты. Многие поступки героев в книгах или кино казались ему абсурдными.

Но родители всегда говорили ему: «Если ты чего-то не понимаешь или чей-то поступок вызывает в тебе гнев — ищи причину в себе. Это твой опыт и твои ожидания заставляют тебя давать ложные оценки».

Но даже со всем своим воображением он не мог в полной мере постичь менталитет народа с такой историей.

— А как же отношения между государствами? — поинтересовался Ши Цзю.

— О каких государствах ты говоришь?

— Ну, обычные страны. С разными экономиками, правительствами...

Чэнь Ай на мгновение замер, пытаясь осознать вопрос.

— Я сказал, что планета Эндено — это и есть одна страна. Наша цивилизация едина.

Они как раз проходили мимо зеленой зоны площади. Слова, высеченные на каменной стеле, мягко переливались в лучах солнца, подобно морской зыби.

— Что? — Ши Цзю остановился, заслоняя глаза от солнца ладонью, чтобы прочесть надпись. Заметив, что Чэнь Ай не ждет его, он поспешил догнать куратора.

Чэнь Ай негромко повторил:

— На этой планете существует лишь одно государство — наша цивилизация.

Ши Цзю надолго замолчал. Такого поворота он не ожидал.

Они подошли к дверям лаборатории «Исток». Охрана почтительно поприветствовала Чэнь Ая, не забыв и про Ши Цзю.

— Господин Чэнь.

— Угу, — куратор едва заметно кивнул.

В холле было многолюдно. В основном это были совсем молодые люди, пришедшие на «Церемонию совершеннолетия». Многие бросали на них любопытные взгляды, но, завидев Чэнь Ая, тут же замолкали и почтительно опускали глаза.

Здание «Истока» напоминало огромный лабиринт. Архитектура не баловала изысками — это было сугубо функциональное строение, строгое и минималистичное, в духе «голового бетона».

На стене в конце коридора висели часы. Время на них шло так же, как и в его мире. За окном светило такое же солнце.

Ши Цзю слышал теорию о том, что сны — это путешествия в параллельные миры. Будто во время сна частота твоих мозговых волн совпадает с частотой «другого тебя» из иного измерения, и вы меняетесь местами: твой сон становится его реальностью, а его жизнь — твоим сновидением.

Но это всё равно не объясняло его ситуацию.

Миновав поворот на первом этаже, они вошли в зону, доступную только персоналу. Здесь стало гораздо тише.

— У той девочки было очень красивое платье, — внезапно произнес Ши Цзю.

Чэнь Ай обернулся:

— О чем ты?

Юноша указал назад, в сторону холла:

— Там, в очереди. На платье у девочки был узор в виде раковины, выстроенной по числам Фибоначчи. Потрясающая работа с цветом и фактурой.

Он словно хотел сказать что-то еще и даже обернулся, но увидел лишь холодный бетонный угол.

Чэнь Ай ничего не ответил.

В лифте воцарилась давящая тишина, нарушаемая лишь едва слышным гулом механизмов. Ши Цзю смотрел на профиль Чэнь Ая, отражающийся в зеркальной панели.

— На чем держится ваше доверие? — спросил он.

Чэнь Ай не повернул головы, глядя на призрачное отражение юноши в стекле.

— На всём.

— В смысле?

Лифт остановился, и они вышли в знакомый длинный коридор.

— Всё так же, как ты описывал свой мир, — заговорил Чэнь Ай. — Кроме доверия друг к другу, есть доверие к самому факту жизни. Со временем люди забывают, что жить в безопасности — это удача. Никто не боится, что воздух отравлен. Никто не задумывается о том, что возможность просто гулять по улице, а не прятаться от бомбежек — это тоже форма доверия к своей стране. Мы принимаем это как должное, пока оно не исчезает. Но когда-то Эндено лишился всего этого. Мы помним об этом и дорожим тем, что имеем. И доверяем друг другу.

— Даже незнакомцам?

— Да.

Ши Цзю вошел в кабинет вслед за куратором и, усаживаясь на диван, продолжил:

— Если все доверяют друг другу, значит ли это, что вы все — друзья?

Чэнь Ай достал документы. Сверху снова лежал тот самый листок с загадочными буквами — Ши Цзю успел это заметить.

— Можно быть друзьями, а можно и нет. Мы открыты, но свободны. У нас есть внутренние правила и внешние границы. — Чэнь Ай убрал лист в ящик стола и, видя, что Ши Цзю собирается задать новый вопрос, перебил его: — Если тебя так интересует история Эндено, сходи в городскую библиотеку.

Ши Цзю кивнул. Помолчав, он начал:

— А «Болезнь мнимой подозрительности»...

— В библиотеку! — отрезал Чэнь Ай.

Он явно избегал этой темы. Почувствовав это, Ши Цзю сменил направление:

— Тебе совсем не интересен мой мир?

Чэнь Ай пожал плечами.

— Ты сам сказал, что это твой сон, — холодно обронил он.

— И ты не можешь с этим смириться?

Чэнь Ай поджал губы. Он быстро подписывал бумаги одну за другой, сохраняя бесстрастное выражение лица.

— Неважно, принимаю я это или нет. Можешь считать меня частью своего воображения, но у меня есть свой опыт, свои знания и своя память. Для меня это реальность.

Он внезапно поднял голову:

— Кстати. Если хочешь изучать наш мир — иди куда вздумается. Но если я замечу за тобой хоть тень дурных намерений...

Ши Цзю вскинул бровь. Хм, ошейник всё еще был веским аргументом. Но юноше вдруг пришло в голову, что этот голубоглазый парень, если отбросить их вражду, не такой уж и плохой человек.

— Эй, — окликнул его Ши Цзю. Он подошел к столу и слегка наклонился. В его взгляде снова промелькнул вызов. — Я крушил твой кабинет, пытался тебя придушить... Неужели ты совсем не злишься?

Чэнь Ай ответил ровно:

— Нет.

Ши Цзю знал, что любая эмоция — это прежде всего внутренний всплеск самого человека. Но он не мог вообразить, каково это — не чувствовать ничего. Быть абсолютно беспристрастным свидетелем собственной жизни, полностью принимая мотивы других. Он не понимал, дар это или проклятие.

На лице Ши Цзю появилась лукавая улыбка.

— А если я сейчас возьму и порву все эти бумаги? — прошептал он.

Лицо Чэнь Ая осталось неподвижным, лишь голос стал чуть холоднее:

— Если ты считаешь моё терпение слабостью, я не против оставить тебя под анестезией навсегда.

— Кроме игл у тебя других аргументов нет? Мирное сосуществование невозможно?

Чэнь Ай отложил ручку и посмотрел прямо в глаза юноше.

— Я уже говорил, что ты на редкость безрассуден?

Ши Цзю призадумался:

— Кажется, было дело.

— Так вот, — продолжил Чэнь Ай. — Твоя проблема в том, что ты до сих пор не понял: отсутствие мира — это целиком твоя заслуга.

— А... ну да...

Ши Цзю направился к двери, но, помешкав, обернулся и добавил:

— Я постараюсь... ну, пересмотреть свою установку насчет того, что это только сон.

Рука Чэнь Ая с ручкой на мгновение замерла, но тут же продолжила выводить подпись.

Ши Цзю наконец обрел свободу — впервые за всё время знакомства с куратором.

Он решил отправиться в библиотеку. Ему нужно было понять причины происходящего. Какая нить связывала его с Чэнь Аем?

Теперь, когда буря улеглась, этот вопрос колот его, как заноза.

— И еще кое-что.

Ши Цзю уже был у порога, когда Чэнь Ай окликнул его. Он отложил ручку и вольготно откинулся в кресле.

— Ты говорил, что играешь на виолончели.

Ши Цзю обернулся:

— И?

— Я хочу послушать, — заявил Чэнь Ай как нечто само собой разумеющееся.

Ши Цзю опешил:

— Ты в своем уме? Где я возьму виолончель?

— Это твои проблемы, — бросил Чэнь Ай. — Если понадобятся золотые листы... ну, валюта — возьмишь у меня.

«Может, ему всё-таки нужен психиатр?» — пронеслось в голове у Ши Цзю. Но в следующую секунду Чэнь Ай добавил:

— Я не высказываю пожелание. Это приказ.

Что ж, ладно.